

ОБРАТИМСЯ К ВОСПОМИНАНИЯМ

Кто из вас в юности не мечтал сделать открытие? Кто не жалел, что уже завоеван Южный полюс, раскопаны сокровища Трои, покорен Эверест, и даже на Луну ступила нога человека? Неужели это правда, что все-все открыто и изучено вдоль и поперек? А как же я? Мне ничего не осталось? Ну, хоть что-нибудь? Для чего же тогда жить?

И только с годами, пережив романтично-юношеский возраст, начинаешь понемногу догадываться, а потом и понимать, что каждого из нас ждет большая работа и от тебя зависит сделать жизнь интересной для себя и полезной для общества. Или, как говорили в мое комсомольское время – в жизни всегда есть место подвигу.

В мои юношеские годы творчество Цветаевой не входило в школьную программу, стихи ее не читались с эстрады, сборников не издавалось (почти). И я, имевший пятерки по литературе, любивший поэзию Пушкина, Лермонтова, Некрасова (спасибо отцу), Маяковского (спасибо школьному учителю) не читал и не слышал ни строчки Марины Цветаевой. А ведь вместе с ней от нас был скрыт и крупнейший пласт русской культуры. Вот такими Недорослями я и мои товарищи вышли из школы.

А дальше пошло, как и у всех: служба в армии, институт, работа, создание семьи. Но всегда и во всем со мной были стихи моих любимых поэтов, только список их расширялся и расширялся. Когда я услышал имя Цветаевой и впервые прочитал ее первое для меня стихотворение («Бич жандармов, бог студентов...») я просто потерял покой от мощи стиха. Я не учил этот стих, он тут же сам собой «заучился» и я в полном восторге разговаривал сам с собой: «Вот это поэт! Вот это сила, Какая рифма!». С той поры я стал, неопасно для окружающих, буквально одержим Мариной Цветаевой, пусть совершенно ничего не зная о ней.

И вот когда спустя немного лет, я вдруг узнал, что оказывается Цветаева когда-то еще до войны жила в нашем городе - эта новость меня сразила наповал. Как? Неужели правда, что Гениальный Поэт гуляла по тем же улицам, что и я, заходила в те же магазины, ездила на электричке? А где она жила, в каком доме, с какими соседями? Как же так, что мы, культурные жители нашего «космического» города не знаем об этом? Срочно разыскать!!!

Здесь надо сделать небольшое отступление. К тому времени я успел познакомиться с Надеждой Ивановной Катаевой-Лыткиной, человеком энциклопедических знаний, посвятившей свою жизнь и свои силы изучению жизни и творчества Цветаевой. От нее я узнавал сложные коллизии биографии Поэта, что будут преданы гласности лишь десять лет спустя. Именно Надежда Ивановна сподвигнула меня на решительные поиски цветаевских мест в Болшево, хотя некоторые находки к тому времени мы успели накопить.

Здесь я впервые сказал «мы» и расшифрую, что это значит. Заниматься поисками в одиночку трудно, глупо и непродуктивно. К счастью, таких же одержимых любителей поэзии в нашем городе немало и подсказки, советы и помощь шли от друзей по увлечению. Новелла Балашова, выступая с лекцией о творчестве Марины Цветаевой в центральной городской больнице, нашла там Людмилу Григорьевну Харитонову, терапевта, которая училась в одном классе с сыном Цветаевой. Георгий провожал ее из школы домой (им было по пути) и мы узнали, в какой стороне города надо вести поиски. Это была первая серьезная удача нашей группы единомышленников!

Редакция «Калининградской правды» опубликовала нашу заметку о М.Цветаевой, совсем крошечную, но это было первое печатное слово в нашем городе. Благодаря этому, мы разыскали еще двух «девочек-одноклассниц» Георгия: Тараканову и Гуссар. Потом списались с еще одной - Олей Вольф, живущей в Белоруссии.

Время шло, увлеченность была сильной, желание двигаться к цели буквально не знало границ, но до цели было далеко, и путь к ней не проглядывался.

На велосипеде я изъездил северо-западную часть Калининграда вплоть до Загорянки, исколесил и часть Болшево, примыкающую к станции. Вглядывался в каждый деревянный дом старой постройки, может увижу какой-нибудь знак пребывания здесь моего кумира. Или услышу звук, подсказывающий – «Здесь!». Но нет. Подсказку мы получили, откуда и подумать не смели – от самой Марины Ивановны! И вот как это случилось.

Лето 1982 года. Стихов Цветаевой все еще не печатают в альманахах, их невозможно услышать на поэтических вечерах, за сборниками в библиотеках – многомесячные очереди. И вот от Катаевой-Лыткиной я узнаю о существовании письма МЦ к Павленко, где та что-то важное говорит о своей жизни в Болшево. В то безинформационное время Надежда Ивановна с трудом раздобыла копию этого письма и тут же поделилась со мной радостью. Помню, как сейчас, я звоню ей в Москву из телефона-автомата, а говорить сразу же начинает она:

- Слушайте и записывайте. Поселок «Новый Быт». Во-вторых - это была дача Экспортлеса. В-третьих - потом на ней поселился начальник милиции, который там и повесился. Записали?

- Да (соврал я, ибо память все схватила мгновенно)

- Сможете найти?

- Постараюсь (отвечал я как во сне от предчувствия неслыханной удачи).

День был воскресный, погода солнечная и азарт следопыта бросил меня к микрорайону Новый Быт, ибо как местный житель я преотлично знал его расположение. Я вломился со стороны Костино к череде домиков поселка и, не выбирая, открыл калитку, которая была ближе других. Наверное мой возбужденный вид выдавал во мне ненормального человека (так я думаю сейчас), и хозяева, молодые люди моего возраста сначала обвели меня взглядом по всей фигуре и только потом вежливо ответили, что не знают ничего. Но вот, дескать, на соседней улице живет старушка, уж она что-то может подсказать.

Не помню, поблагодарил я их или не успел это сделать, так как очень торопил себя. До Подмосковной улицы рукой подать и вот я на этот раз не так смело отворяю скрипучую калитку и передо мной старенький покосившийся домик и на крылечке старушка, что называется «божий одуванчик». Одета она была явно не по погоде – в пальтишке и валенках. Навсегда осталось в памяти ее, как из позапрошлого века певучее отчество – Лавровна.

- Эх, милая, дачи Экспортлеса – это ж рядом. Поверни за угол и вскорости они по леву руку будут. Их три, одна к одной. Цветаева? Нет, такую не слыхивала.

(Спасибо вам, милая Лавровна, еще шажок с вашей помощью сделан. Остался один. Последний?)

Не помню, как я шел дальше. Ощущение, что оказался там мгновенно, как в русских сказках меня туда перенесла неведомая сила. Все точно – три похожих дачных домика подряд вдоль улицы Свердлова, номера 11, 13 и 15. Какой же из них? Поселковые улицы никогда не бывают безлюдны. Так и здесь. Невдалеке от меня что-то делал по хозяйству мужчина. Это был человек в годах, но довольно жилистый, хорошо знакомый с физическим трудом и поговорить мастак, как оказалось. Он живо подтвердил, что да, эти дома принадлежали Экспортлесу. И тут я, глотнув побольше воздуха, задал чужим, не своим, голосом решающий вопрос:

- Скажите, а вот по слухам будто бы здесь жил начальник Костинской, наверное, милиции и будто бы, опять же по слухам, он повесился?

- Все так и было, хорошо это помню. Разное по этому поводу говорили, но мы, мальчишки не вникали. Еще оркестр на похоронах играл. У него сын остался, с ним мы дружили.

- А в котором из трех домов милиционер жил?

Спросив это я отчетливо сознавал величие момента. Через мгновение я буду знать, где в нашем городе жила Марина Цветаева. Так и произошло!

Я как во сне приблизился вплотную к забору дома №15 и пожирал его глазами, как будто это было творение моих рук. В этот миг я постигал нирвану, хорошо, что меня никто не видел. Мой нечаянный помощник продолжал заниматься своим делом, не было людей и на участке цветаевского дома (в будущем я с ними по-доброму познакомлюсь). Меня прямо-таки распирало от счастья совершенного открытия, но ощущение времени ко мне все же вернулось. Быстрее, быстрее к телефону-автомату, надо обрадовать Надежду Ивановну.

До открытия музея Марины Цветаевой на этом месте оставалось еще ровно десять лет.

Юрий КОШЕЛЬ
14.09.2012